

УДК 342.4 (470) + 347.9 (470)

В. И. Крусс, А. Г. Кузьмин

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

V. I. Kruss, A. G. Kuzmin

NOTION, FUNDAMENTAL PREREQUISITES, AND FACTORS OF CONSTITUTIONALIZATION OF THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

В статье рассматривается одна из важнейших составляющих процесса преобразования правовой системы Российской Федерации — конституционализация (конституционная модернизация) российской судебной системы. В этой связи анализируется проблема соотношения конституционализма и конституционализации права; приводится обобщающий анализ употребления термина конституционализация, в том числе в контексте тех изменений, которые в связи с данным процессом претерпевает международное публичное право; рассматривается взаимосвязь понятий «конституционализация» и «конституционная законность»; предлагается концептуальное определение конституционализации судебной системы.

Ключевые слова: конституционализм, конституционная законность, судебная система, конституционализация судебной системы.

The article considers one of the main components of the process of reformation of the legal system of the Russian Federation – constitutionalization (constitutional modernization) of the Russian judicial system. In connection with this the problem of correspondence of constitutionalism and constitutionalization of law. The author considers the resumptive analysis of the usage of the notion ‘constitutionalization’ in the context of amendments and changes which the international public law undergoes; he also dwells on the interconnection of the notions ‘constitutionalization’ and ‘constitutional legitimacy’ and suggests conceptual definition of constitutionalization of judicial system.

Keywords: constitutionalism, constitutional legitimacy, judicial system, constitutionalization of judicial system.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция РФ) объективно обусловило возможность и необходимость уникального процесса преобразования правовой системы Российской Федерации, который в науке права предложено определять понятием «конституционализация». Важнейшей составляющей, институциональным блоком таких преобразований, на наш взгляд, должна быть признана конституционализация российской судебной системы. Отдельных комплексных исследований применительно к данному измерению конституционализации в науке права и литературе до настоящего времени представлено не было. Между тем, цели конституционализации правовой системы России не могут быть достигнуты, а зада-

чи решены без успешных преобразований именно в этой сфере, поскольку стрезень конституционализации выражает идея достоверного признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые в условиях конституционного, правового и социального государства должны обеспечиваться ресурсами судебной власти, о чем, собственно, и заявлено в ст. 18 Конституции РФ.

Генезис судебной власти в каждом отдельно взятом государстве имеет свою специфику, которая определяется историческими, национальными, культурными, геополитическими и многими другими факторами. Для того чтобы судебная власть сложилась в качестве относительно самостоятельной и независимой, понадобился длительный

27

Конституция,
государство и общество

период становления и развития конституционализма и утверждения современных демократических форм правления и политического строя, обусловленных научными, конституционно-правовыми представлениями о механизме разделения властей, системе сдержек и противовесов, критериях и принципах публичного властвования. В полной мере это справедливо и по отношению к России.

Особая роль в системе современного российского конституционализма принадлежит судебной власти, а ведущее значение справедливо отводится конституционному правосудию. Исключительное значение последнего позволяет ведущим ученым говорить об институционально самостоятельном выражении феномена судебного конституционализма [3, с. 17]. Во многом разделяя такую позицию, полагаем, тем не менее, что в контексте признания и осмысления конституционализации существует необходимость в концептуально выверенном определении места и роли всей судебной власти в системе и практиках российского конституционализма.

Едва ли кто-либо возьмется отрицать, что в демократическом правовом государстве именно суд является основным правоприменителем, важнейшим и зачастую единственным органом разрешения социальных и иных конфликтов. Однако конституционное восприятие, базирующееся на онтологии и методологии конституционного правопонимания, существенно корректирует образы актуально необходимого присутствия и функционирования судебной власти в политической и общественных системах, дает четкие критерии определения принципиально надлежащего правосудия, актуально значимые для всех видов судов и судопроизводств. Базовым источником таких ориентиров, как и всего, что имеет юридико-практическое значение в современной ситуации, выступает Конституция РФ.

Исходя из динамической концепции конституционализма, не сводимой исключительно к нормативной конституционной модели «идеального» устройства государства и общества, следует согласиться с тем, что все ветви государственной власти участвуют в формировании и развитии реального («живого») конституционализма. Одновременно можно говорить о том, что наибольшему обновлению в последние годы подвержены представления о роли в этом процессе судебной власти. В основе такого изменения концепта ее предназначения лежит то обстоятельство, что, в отличие от ра-

нее принятых представлений о судебной власти исключительно как средстве разрешения социальных конфликтов, современная доктрина конституционализма признает ее в качестве «самостоятельной равновеликой ветви власти», имеющей собственную институционализацию [3, с. 79—81], и отводит ей выполнение ряда иных важнейших функций, конкретизированных в позитивном праве и законодательстве. Справедливо отметил Н. С. Бондарь, «ни одна другая ветвь власти не имеет в соответствии с требованиями Конституции РФ столь разветвленного конституционного законодательства, как судебная» [3, с. 82]. К конкретизированным конституционным функциям судебной власти могут быть отнесены обеспечение единства нормативной и фактической реализации Основного закона во всех сферах деятельности государства и общества, правовая охрана Конституции РФ посредством осуществления судебного нормоконтроля, обеспечения верховенства права, приоритета и прямого действия конституционных норм. Кроме того судебная власть на современном этапе развития российского государства не только является специфическим генератором права, но и движущей силой в развитии и обогащении теории и практики современного конституционализма. Это обусловлено тем, что теория права, теория и практика конституционализма не могут исходить из статичного восприятия и толкования конституционных норм, и именно судебная система призвана обеспечить тот «живой», динамический контекст права, который необходим для эффективного регулирования изменяющихся общественных отношений [26, с. 10].

Подобные представления при всей их принципиальной значимости и научной взвешенности не отрицают постановки актуальных вопросов о том, насколько существующая судебная система, как организационное воплощение судебной власти, конституционна? Обеспечиваются ли правосудием права человека (ст. 18 Конституции РФ), единообразны ли соответствующие подходы и правила? Имеет ли место конституционное единство судебной системы, какова степень взаимодействия ее элементов между собой и сколь эффективны результаты такого взаимодействия? Достигнуты ли на современном этапе цели функционирования судебной системы в виде воплощения в объективную действительность идей и ценностей, закрепленных в Конституции России? Каждый из этих вопросов характеризует институциональное направле-

ние, а выработка ответов на них намечает доктринальные параметры, возможное содержание конституционной теории судебной власти и правосудия; правосудия функционирующего и меняющегося возможно более синхронно с иными составляющими и трендами конституционализации, и одновременно обуславливая их конституционную достоверность.

Мы уже признавали и еще раз подчеркнем отсутствие соответствующих (профильных) научных разработок комплексного, доктринально выверенного характера. Хотя общие рамки таких разработок и их принципиальная привязка в целом достаточно определены. Так, применительно к институционально-структурному измерению судебной власти В. Т. Кабышев справедливо подчеркивал, что конституционной является лишь та власть, которая предусмотрена только Конституцией РФ и в основу формирования которой положены конституционные требования [9, с. 4—5]. Однако одних подобных, пусть и верных, замечаний и ориентиров, разумеется, явно недостаточно. Проблема, как представляется, заключается в отсутствии широко признанного общетеоретического основания современных конституционно-правовых исследований. В этой связи мы разделяем мнение об универсальном методологическом значении и поддерживаем необходимость сравнительно недавно заявленных разработок в рамках теории конституционализации национальных правовых систем.

Известная с советских времен идея необходимости и фактической конституционализации претерпевающих правовое воздействие общественных отношений (правопорядка) была вновь заявлена современной наукой права вскоре после принятия Конституции РФ и увязывалась преимущественно с феноменом ее прямого действия и особыми свойствами правовых норм или положений в широком смысле как действующих совместно с нормами отраслевого законодательства и оказывающими на них свое влияние [14, с. 104].

И. А. Кравец, рассматривая проблемы соотношения конституционализма и правовой системы, в качестве ядра для их научно-теоретического осмысления поставил вопрос о конституционализации правового порядка. Конституционализация толкуется им двояким образом — в узком и широком смысле: в узком смысле — как возведение правовой нормы в ранг конституционного положения; конституционализация здесь связана с

определением объектов конституционного регулирования. В широком смысле конституционализация, по его мнению, подразумевает характерное для индустриальных обществ всемерное развитие иерархически взаимосвязанных способов и методов юридизации общественных отношений. При этом он выделил нормативную основу и ключевые условия конституционализации, а также описал взаимосвязь конституционализации и конституционализма. Нормативную основу конституционализации, как полагает И. А. Кравец, составляют Конституция РФ и федеральные конституционные законы, развивающие и детализирующие ее положения, а условиями конституционализации выступают нормативность Конституции РФ и ее прямое применение судебными и иными органами государственной власти. Конституционализм же, с его точки зрения, проявляет себя в процессе конституционализации таким образом, что его принципы определяют структурные и функциональные взаимосвязи между конституцией и другими правовыми актами, отраслями права, конституционно-правовыми институтами [11, с. 153—155].

Характеризуя приведенную научную позицию, заметим, что, на наш взгляд, представления о конституционализации в узком и широком смысле разнятся настолько, что вряд ли уместно применение по отношению к ним единой терминологической основы. К тому же понятие конституционализации в узком значении очевидно тяготеет к направлению социологического подхода к праву, которое, будучи доведенным до логического завершения, не может примириться с юридическим верховенством национальной конституции. Применительно же к нормативной основе конституционализации в широком смысле ставить наравне с Конституцией РФ иные источники права (хотя бы и такие как федеральные конституционные законы), значит умалять онтологическую значимость текста Конституции РФ и создавать неустранимые сомнения, в частности, в аспекте выверки конституционных требований к судебной практике. Вместе с тем в целом подход И. А. Кравца весьма убедительный, как и близкие по характеру научные суждения о том, что для конституционализации, как одного из условий решения проблемы обеспечения единства законодательства Российской Федерации в современных условиях, предлагается восприятие конституционализма как базового принципа [16, с. 82].

Конституционализация подразумевает встраивание законодательства в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции РФ. По мнению Н. С. Бондаря, в более детальном виде она проявляется в трех аспектах: во-первых, наиболее значимые отраслевые отношения имеют прямое закрепление в Конституции РФ и регулируются посредством прямого действия норм Основного Закона; во-вторых, отраслевое законодательство регулирует соответствующий круг общественных отношений в строгом соответствии с положениями Конституции РФ и под судебным конституционным контролем; в-третьих, конституционализация является способом преодоления конкуренции правовых норм и разрешения юридических конфликтов. Вместе с тем конституционализация, рассматривается в более общем виде, реализуется не только посредством функционирования органов конституционного контроля, но и обеспечивается в результате системного взаимодействия и совместной деятельности всех органов публичной власти, направленных на неукоснительное соблюдение норм Конституции РФ и их адекватное, точное отражение в правотворческой и правоприменительной практике [2, с. 70—71].

Известный белорусский конституционалист и представитель судебной власти Г. А. Василевич рассматривает конституционализацию законодательства сквозь призму действительности и действенности конституционных норм. По его мнению, конституционная норма действительна, если созданные в соответствии с ней нормы в общем и целом применяются и соблюдаются, при этом основой для конституционализации текущего национального законодательства, приближения стран молодой демократии к тому эталону правового государства, который сложился в ряде западных европейских стран, являются принципы правового государства, сформулированные либо «выводимые» из текста национальной конституции, международных документов, прежде всего посвященных статусу человека и гражданина [4, с. 4—6]. Здесь еще раз обратим внимание на неуклонное «восхождение» к идее исключительного значения конституционных принципов как элементов «изоморфной» нормативности, которым в дальнейшем будет уделено самое пристальное внимание.

По своей сути конституционализация права может быть определена как перманентный процесс качественно-надлежащего объективирования и

оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных (спекулятивно-умозрительных) и вторичных (материально-письменных) формах. Именно на соответствующих уровнях правовой системы конституционализация может быть достоверно «отслежена» и классифицирована, а ее результаты установлены и определены [12].

Необходимо отметить, что в последнее время категория «конституционализация» достаточно активно используется в рамках отраслевых правовых исследований, при этом в контексте современной познавательной ситуации в юридической науке эту категорию применяет преимущественно как обобщающее понятие со слишком широким содержанием, которое призвано облегчить восприятие Конституции РФ как основополагающей нормы в регулировании конкретных общественных отношений [21, с. 189—190].

В зарубежной литературе отмечается, что конституционализация права касается как систематического, так и нормативного измерения правового порядка (системы). Нормативное измерение носит материальный и транзитивный (опосредствующий) характер: нечто в содержательном отношении упорядочивается правом. Систематическое измерение формально и рефлексивно: упорядочивается само право. Эти оба измерения находятся в состоянии взаимного воздействия: нормативная сила права подкрепляется строгостью его конструкции и догматики [20]. Здесь очевидно просматривается сходство с предлагаемыми идеями о конституционализации на различных уровнях правовой системы, включая системы позитивного права, законодательства, а также сферы юридической практики [14, с. 106—107].

В работах представителей американской и западноевропейской правовой науки, посвященных исследованию концепта «глобального конституционализма» в контексте современного международного правопорядка и глобального управления, используются, с одной стороны, понятия о правопорядке, внутренне присущие нормам (так называемые чисто «нормоимманентные понятия»), а с другой стороны, и трансцендентные по отношению к нормам понятия (соответственно, «нормотрансцендентные понятия»).

Так, еще у Ганса Кельзена (Hans Kelsen) и его последователей нормы, выводимые из основной нормы, образуют правопорядок, причем, как известно, Кельзен идентифицировал государство с

его правопорядком. Его понятие правопорядка является, соответственно, чисто нормоимманентным. В противоположность этому Херберт Л. А. Харт (Herbert L. A. Hart) рассматривал фактическое функционирование правопорядка в общественной реальности как составную часть самого понятия правопорядка. Для него правовой порядок состоит из трех типов норм. При этом, по его мнению, имеются два минимальных условия, которые необходимы и достаточны для существования правовой системы. С одной стороны, сюда относятся правила поведения, действующие согласно ультимативным системным критериям законности, которым в общеобязательном порядке надлежит подчиняться. С другой стороны, необходимым условием является то, что правила признания (rules of recognition), определяющие критерии юридической законности, и правила внесения изменений и принятия судебных решений (rules of change and adjudication) должны быть в действительности признаны государственными чиновниками как общие публичные стандарты поведения должностными лицами [36; 37].

Таким образом, общий анализ употребления термина «конституционализация» позволяет, прежде всего, выделить такие его аспекты как: 1) перманентный процесс конкретизации начал, освоения ценностей и норм Конституции РФ в действующем законодательстве; 2) включение в конституцию основных принципов и статусов тех или иных субъектов конституционно-правовых отношений, в результате чего их правовое положение определяется законом достаточно детально. (В данном контексте конституционализация рассматривается как составляющая процесса конституционно-правовой (юридической) институционализации.)

Отдельного упоминания заслуживает использование понятия «конституционализация» в контексте тех изменений, зачастую признаваемых кризисными, которые претерпевает международное публичное право [28]. В известной мере эти процессы в европейском формате были предсказаны И. Кантом в форме грядущего космополитического правопорядка и проекта «вечного мира» [39]. Данный аспект конституционализации связан с необходимостью пересмотра роли международного публичного права как универсальной системы принципов и норм, выступающей основой нового международного порядка для всего международного сообщества в целом. Идеи реконфигурации международного

публичного права, приобретая черты конституционной значимости, оформились в соответствующую новейшую концепцию под названием «глобальный конституционализм». В доктринальном аспекте данная концепция лишь косвенно может быть отнесена ко внутригосударственному российскому праву, и в нашей работе она подробно не рассматривается. Вместе с тем проблематика национальной конституционализации в целом, и национальной судебной системы и практик в частности, имеет и весьма важное измерение, связанное с феноменом глобализации, взаимодействием национальных правовых систем, развитием институтов и форм международного судебного обеспечения прав и свобод человека.

Исследование конституционализации в целом, и российской судебной системы в частности, сопряжено с уяснением соотношения данных категорий с базовым принципом конституционной законности, реализацией Конституции РФ и принципа ее прямого действия, основанного на методологии современной конституционно-правовой науки, конституционном правопонимании¹.

Принципы верховенства и прямого действия Конституции РФ (или принципы конституционности), а также принцип верховенства закона (или принцип законности) получают особую значимость в системе принципов организации и деятельности российского суда как ветви государственной власти. Фундаментальный характер данных принципов проявляется в том, что они тесно связаны практически со всеми другими основами судебной власти, организации и ее органов. Рассматриваемые принципы предопределяют организацию системы, характер деятельности судов и правовое положение судьи — носителя судебной власти [23, с. 241—242].

В советский период вопросы социалистической законности глубоко и всесторонне исследовались в литературе, хотя бы и при известном «идеологическом» налете, продиктованном требованиями исторического материализма (речь идет о трудах Н. Г. Александрова, В. В. Борисова, Н. Н. Вопленко, Н. В. Витрука, Д. А. Керимова, В. М. Курицина, Е. А. Лукашевой, М. С. Строговича, В. М. Чиковадзе и др.).

Только в контексте демократических перемен отечественная наука права смог-

¹ О сущности и функциональной специфике конституционного правопонимания см., в частности, [15].

ла признать очевидную, в общем-то, истину: «законность либо есть, либо ее нет, независимо от того, о какой стране идет речь» [7, с. 9]. Однако, как справедливо замечает Ю. А. Тихомиров, в итоге уже термин «законность» практически ушел из научного употребления. Вследствие этого, полагает ученый, зачастую торжествуют не законность, а целесообразность, произвол, субъективизм, самоуправство [27, с. 7].

На наш взгляд, вряд ли правильно утверждать подобную (непосредственную) связь между научными интересами ученых и практическим положением дел в стране. Вместе с тем вполне актуальны слова видного конституционалиста В. Набокова, произнесенные в конце 1912 года¹: «Тщетно чтут законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление — всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих, и подвластных... Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону, при готовности устами славословить его, которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то щеголяют, открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступать перед требованиями “государственной целесообразности”... Противовесом этому злу могла бы служить деятельность суда, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, — суда независимого, нелицеприятного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доставление торжества этому закону. Есть ли у нас такой суд?» [25, с. 103—108]. Вопрос, к сожалению, отнюдь не риторический и для современной России.

Положение ч. 1 ст. 15 Конституции РФ о ее высшей юридической силе, по мнению Т. Я. Хабриевой, является исходным для понимания соотношения Конституции РФ и законности, конституционного контроля и законности, конституционализма и законности, для разработки понятия конституционной законности... «Понятийный аппарат для этих явлений еще не выстроен в должной мере. Ни в российской, ни в зарубежной науке анализом соотношения этих понятий юристы-государствоведы почти не занимались» [30, с. 6], — пишет она. На наш взгляд, подобные оценки несколько категоричны,

¹ Цит по [18].

хотя, возможно, и отражают личную позицию известной ученой.

С. А. Авакьян, рассматривая конституционную законность как высший пласт законности в целом, совершенно справедливо отмечает ее общий превентивный фактор — соблюдение норм Конституции РФ при издании актов и совершении действий всеми без исключения органами государственной власти и органами местного самоуправления. Конституционная законность, отмечает он, начинается не тогда, когда посредством решений компетентных органов обеспечивается восстановление действия норм Конституции РФ, а тогда, когда любые органы начинают с соблюдения Конституции РФ и следования ей [1, с. 213—215].

Г. А. Василевич считает что «конституционность» и «конституционная законность» — понятия, совпадающие по своей сути [5].

Важные положения формулирует по этому вопросу и Т. Я. Хабриева. Конституционная законность — это основа, ядро общего режима законности. Она имеет разные стороны: является базой для осуществления и развития режима законности и одновременно главным, решающим объектом надзора за ее соблюдением, ибо нарушение конституционных положений влечет нелегитимность текущего законодательства, применительной практики, неверные установки правосознания [29].

Кажется очевидным, что понимание конституционной законности предполагает более обширное ее восприятие, чем «просто» законности. Данное утверждение основывается на специфике действия конституционных положений, которое включает в себя как реализацию ее формально определенных норм, так и смысловой нагрузки, содержащейся в Конституции РФ. Логика конституционного регулирования — такая же основа законности в отношении к Конституции РФ, как и ее более конкретные предписания.

Т. Д. Зражевская обращает внимание на сущность механизма реализации конституционного законодательства в достижении поставленных целей и определяет его как совокупность политико-правовых средств согласования характера организации власти с уровнем общественного развития в интересах реализации потребностей народа (населения) применительно к конкретным условиям, которые позволяют решить закрепленные в законе цели. Однако целью реализации принципа законности в деятельности органов государственной власти у данного автора

выступает, вполне традиционно, строгое и неукоснительное соблюдение действующего законодательства [8, с. 32].

В сравнительном контексте интересно и мнение Т. Я. Хабриевой по поводу соотношения конституционализма и законности. Частично этот вопрос охватывается понятием конституционной законности как законности, основанной на действующем праве, на нормах конституции и конституционного права. С другой стороны, пишет Т. Я. Хабриева, конституционализм — это идеологическое и доктринальное понятие, которое начало складываться еще до принятия первых конституций государства, отражало представление передовых мыслителей и затем только было распространено на основные принципы общественного и государственного строя, основные права новых «поколений прав», на обязанности человека и гражданина перед обществом, государством и другими людьми, на принципы межгосударственных отношений и отношений с международным сообществом. Как доктринальное представление не только о сущем, но и о должном конституционализм включает прогностические элементы. Эта часть конституционализма не связана непосредственно с законностью, но соответствующие идеи могут стать основой для принятия нового законодательства и выработки средств для его реализации. Это — «будущая конституционная законность» [30, с. 11].

Вместе с тем не случайно, понимает-ся, С. А. Авакьян обращает внимание на определенную пробельность в разработке категории «конституционная законность». Попытаемся, хотя бы отчасти, устранить этот пробел через соотношение понятий «конституционализация» и «конституционная законность».

1. Конституционализация как общий метод формирования, обеспечивающий конституционную конкретизацию требований для всех сфер общественной жизни является «базой» конституционной законности.

2. Конституционализация призвана обеспечить действенность конституционной нормы при условии, если созданные в контексте ее конкретизации (в соответствии с ней) нормы отраслевого уровня в общем и целом применяются и соблюдаются. Конституционализация в этом случае выступает «объектом» конституционной законности, т. к. нарушение конституционных установлений влечет нелегитимность законодательства и его правоприменительной практики.

3. Конституционализация имеет социально-экономические, политические,

духовно-психологические и юридические аспекты, причем все они основаны на конституционном закреплении принципов, как обозначенных в тексте Конституции РФ (ст. 1, 2, 4, 7, 13, 14 и др.), так и вытекающих из его буквы и духа. Конституционные принципы тем самым являются средством обеспечения конституционной законности.

4. Конституционализация направлена на установление взаимной ответственности государства и человека, государства и общества и т. д., а конституционная законность является индикатором и характеризует реализацию мер такой ответственности.

Понятия конституционализации и конституционной законности неразрывно связаны с полномочиями и практикой Конституционного Суда РФ. Важнейшее значение в деятельности Конституционного Суда РФ отводится раскрытию содержания и выявлению смысла конституционных принципов взаимоотношений личности, общества и государства. Широко признано, что исходные начала (принципы) Конституции РФ несут в себе особый потенциал конституционного регулирования, по существу задавая универсальные стандарты конституционного развития, без неукоснительного соблюдения которых невозможно рассчитывать на становление подлинно конституционного правопорядка. И здесь важно отметить особую роль Конституционного Суда РФ, обеспечивающего непрерывное «приращение» системы конституционных принципов, выводимых им из анализа взаимосвязанных конституционных положений [10].

Наряду с принципами, имеющими общеправовой масштаб и охватывающими своим воздействием (влиянием) всю российскую правовую действительность, Конституционный Суд РФ не обходит стороной и принципы, имеющие конституционное значение для отдельных отраслей права, способствуя тем самым их конституционализации. Большое значение для обеспечения конституционной законности имеет установление Конституционным Судом РФ соответствия/несоответствия Конституции РФ иных правовых актов; деятельность эту называют даже правовой охраной Конституции РФ [31].

Конституция РФ отводит судебной власти центральное место в механизме реального обеспечения конституционной законности и правопорядка (глава 7 Конституции РФ). В этой связи обозначенный выше подход к конституционной законности может быть определяющим

для понимания конституционализации российской судебной системы, включая институционально-организационное измерение судебной власти.

Судебная власть учреждается Конституцией РФ, а затем ее основные структуры получают необходимую законодательную конкретизацию и последующее практическое воплощение. Для целей соответствующей конституционализации (и понимания ее сути) важно постоянно отсылаться к непосредственно конституционным положениям о том, что судебная система Российской Федерации устанавливается в соответствии с Конституцией РФ и федеральным конституционным законом (ч. 3 ст. 118 Конституции РФ).

Что означает искомое конституционное соответствие? Связано ли оно не только принципиальными требованиями, но некими содержательными модусами?

Верным представляется нам вывод Б. С. Эбзеева о том, что российская судебная практика не соответствует Конституции РФ, оставаясь на уровне «ползучего некритического эмпиризма». Поэтому, заключает видный ученый, нам нужны не изменения в Конституции РФ, а конституционализация правоприменения, социального порядка и общественной жизни [35].

Против необоснованных изменений Конституции РФ выступали многие российские конституционалисты, другие же, напротив, ратовали за смелость и активность в этом вопросе. Как известно, одним из наиболее значимых следствий таких изменений, осуществленных в 2014 году и обусловленных продекларированной целью обеспечения единства судебных подходов как в отношении граждан, так и юридических лиц, стала институционально масштабная модернизация судебной системы, которая может быть охарактеризована и как объединение двух высших судов, и как «упразднение» одного из них (Высшего Арбитражного Суда РФ — далее ВАС РФ), активно и плодотворно работавшего в области «экономической юстиции». Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и Прокуратуре Российской Федерации» [19] определен численный состав, основы компетенции и некоторые иные вопросы организации и деятельности вновь образованного Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ).

Содержание и следствия этой «реформы» нуждаются, на наш взгляд, в тщательном и всестороннем анализе с

точки зрения соответствия требованиям конституционности и целям конституционализации.

Конституция РФ в ст. 126 определяет: «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики».

Полагаем, что в контексте исследуемой темы произошедшее объединение двух высших судов и образование единого Верховного Суда РФ само по себе еще не может быть охарактеризовано как конституционализация судебной системы. Представляется, что отнюдь не любая, даже относительно значимая и существенная, правовая регламентация представляет собой конституционализацию. Столь расширенное употребление этого термина делало бы его точное описание крайне нечетким, а потому малоэффективным. Поэтому понимание конституционализации судебной системы должно и может быть ограничено от ее формальной конституционной легализации, поскольку конституционализация является более специфическим и более «требовательным» феноменом, чем даже непосредственно конституционное закрепление того или иного института само по себе. Конституционализация как краткая формула для обозначения многокомпонентного процесса не предполагает, что в рамках конституционной системы, в структуре конституционного правопорядка конституционные (или квазиконституционные) свойства и качества отдельных элементов, их связей и отношений могут как нарастать, так и убывать. В философско-теоретическом смысле, в модусе конституционного идеала и реального конституционализма конституционализация есть приращение конституционного качества либо вариативное обновление конституционных параметров должного без ущерба для ранее достигнутых уровней и состояний конституционности. Соответственно такому представлению и должен решаться вопрос о том, произошла ли в связи с принятием указанных поправок к Конституции РФ конституционализация российской судебной системы или нет.

В литературе обозначенные выше аспекты достоверности конституциона-

лизации практически не ставятся, либо трактуются едва ли не позитивистским образом в проекциях «безоговорочно конституционного» законотворчества. Так, в частности, Т. Я. Хабриева предлагает выделить три основных этапа конституционализации современного российского законодательства: «формационный», «адаптационный» и «модернизационный» [33, с. 25—28]. При этом формационный этап характеризуется созданием основ законодательного регулирования новой общественно-экономической формации; адаптационный привел к усложнению структур традиционных отраслей законодательства [24] и началу формирования комплексов, отмеченных, в том числе, сочетанием норм частного и публичного права [17; 22]. В итоге же Россия получила «новую композицию законодательства, более приспособленную к решению задач реализации базовых конституционных ценностей и институтов» [33, с. 29—30].

Проблемы реализации конституции в условиях глобализации и международной интеграции обусловили выделение текущего модернизационного этапа конституционализации. Т. Я. Хабриева обозначает и предлагает активно развивать ряд основных направлений этого этапа, включая: актуализацию социально-гуманитарного вектора; гармонизацию федеративных отношений; «инновационное» изменение композиции методов правового воздействия с использованием договорных и согласительных процедур; систематизацию законодательства; полноценную реализацию конституционных принципов и норм; совершенствование правоприменительной практики; адаптацию российского законодательства к международно-правовым актам; повышение качества законодательных актов; координация законотворческих инициатив и структурирование самого процесса законотворчества на единых принципах информационного, методологического и технологического обеспечения [33].

Во многом выделенные этапы и основные направления конституционализации российского законодательства могут быть применены и к определению этапов конституционализации судебной системы. Однако отметим, что у Т. Я. Хабриевой конституционализация законодательства заявлена как продолжающийся процесс освоения конституционных ценностей и норм [13]. Термин же «освоение» настолько емок, что, в принципе, способен обозначить все актуальные и необходимые модусы происходящего, однако, в силу его сугубо «внешней» функциональ-

ной привязки к законодателю, он вряд ли позволяет представить его онтологическую специфику. Это находит выражение в суждении о том, что «недостижение полноценной конституционализации» объясняется прежде всего тем, что «Конституция РФ не идеальна», и — затем уже — несовершенством законодательства и законотворческими недоработками [32]. В этой связи мы солидаризируемся с позицией Б. С. Эбзеева, который выступает принципиально против того, чтобы фундаментальные понятия и категории права и государственности интерпретировались в отрыве от Конституции РФ. Тем более неприемлемо, подчеркивает Б. С. Эбзеев, когда сама Конституция РФ интерпретируется сквозь призму априорных теоретических представлений, сложившихся до или вне Конституции, «и в случае несоответствия между ними корректируется не доктрина; под сомнение ставится “конституционность”» самой Конституции РФ [34, с. 34].

В ряду обозначенных Т. Я. Хабриевой направлений безоговорочно значимым для целей конституционализации российской судебной системы представляется нам повышение качества и стабильности законодательства, как материального, так и процессуального. По этому поводу в литературе высказываются зачастую крайние точки зрения. Утверждают, например, что «только стабильное право обретает черты сакральности и выдвигает судей на позиции, близкие жреческим. При стабильном праве судьи становятся в некотором смысле источником права. Напротив, законодатели, постоянно играя изменениями норм законов, достигают трех целей. Первая: свергают судей с их пьедестала. Вторая: ставят суд в зависимое положение. Третье: перетягивают на себя одеяло с надписью “Источник права”» [6, с. 38].

Думается, в приведенных суждениях много и неоправданной патетики и спорных по существу аргументов. Во-первых, конституционные демократические реалии, институты и ценности вовсе не предполагают наличие каких-либо «жрецов» от права; во-вторых, конституционное правопонимание предполагает последовательное разделение права и закона, в том числе и в дискурсе правосудия; в-третьих, в контексте конституционализации необходимо исходить из диалектики конституционной независимости судей и их безоговорочного подчинения Конституции РФ, а затем уже — закону и, во всяком случае, не законодателю; в четвертых, апофатическим образом можно показать, что при

конституционных деформациях правосознания (чего, к сожалению, нельзя исключить) именно в ситуации законодательной нестабильности недобросовестные судьи получают возможность неосновательно присваивать себе «правоустанавливающие» полномочия, подменять подлинное (конституционное) правосудие властным квазюридическим произволом, вполне сопоставимым по негативным последствиям с произволом этатистского бесправия сталинских времен.

Разумеется, тем самым мы не ставим под сомнение конституционную значимость стабильного, систематизированного, синхронизированного законодательства. Однако конституционализация правосудия и судебной системы зависят от комплекса взаимосвязанных факторов, а не одной только стабильности нормативно-правового массива.

В развитие сказанного укажем, что крайне важным фактором и залогом успешной конституционализации выступает коренная трансформация правового

сознания общества в целом и конституционного правосознания судей, в особенности как базового элемента существования и развития всей правовой системы. Данная проблема также чрезвычайно сложна и актуально соотносена с множеством смежных вопросов.

Таким образом, в качестве предварительного вывода можно заключить, что конституционализация судебной системы представляет собой сложный многокомпонентный процесс, включающий в себя конституционно-правовое закрепление и сложную многоуровневую конкретизацию в системах позитивного права и законодательства статуса и компетенции суда и органов судебной системы, принципов и критериев правосудного обеспечения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, охраны и защиты иных конституционных ценностей, а также средств и мер, направленных на формирование конституционного правосознания судей и выработку у них конституционного правопонимания.

References

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [Russian Constitution: Nature, Evolution, Modern Times]. Moscow. Sashko Publ., 2000.
2. Bondar' N.S. *Problemy konstitutsionalizatsii yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of Constitutionalization of Legal Education in the Russian Federation]. *Konstitutsiya, konstitutsionalizm, konstitutsionalizatsiya pravovykh sistem: aktual'noe sootnoshenie ponyatii i trendov*. Tver', 2013.
3. Bondar' N.S. *Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiviya* [Judicial Constitutionalism in Russian in the Light of Constitutional Justice]. Moscow. Infra-M Publ., 2011, 544 p.
4. Vasilevich G.A. *Konstitutsionalizatsiya tekushchego zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya — vazhneishii yuridicheskii imperativ* [Constitutionalization of Technical Legislation and Practice of its Implementation – Most Important Legal Imperative]. *Pravo: teoriya i praktika*, 2003, No. 8, p. 4-6.
5. Vasilevich G.A. *Konstitutsionnost' kak vazhneishee uslovie kachestva normativnykh aktov* [Constitutionality as the Most Important Condition of the Quality of Statutory Acts]. *Problemy upravleniya*, 2010, No. 1(34), p. 147-151.
6. Gorbuz A.K. *Transformatsiya rossiiskoi sudebnoi vlasti. Opyt kompleksnogo analiza* [Transformation of Russian Judicial Power. Experience of Complex Analysis]. Moscow; St. Petersburg. Norma Publ., 2010, 480 p.
7. Efremov A.F. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy realizatsii printsipov zakonnosti v rossiiskom gosudarstve. Dokt. dis. (Yuridicheskie nauki)* [Theoretical and Practical Problems of Implementation of Principles of Legitimacy in the Russian State. Thesis of PhD Law]. Saratov, 2001. 559 p.
8. Zrazhevskaya, T. D. *Realizatsiya konstitutsionnogo zakonodatel'stva: problemy teorii i praktiki. Dokt. dis. (Yuridicheskie nauki)* [Implementation of Constitutional Legislation: Problems of Theory and Practice. Thesis of PhD Law]. Voronezh, 1999. 369 p.
9. Kabyshev V.T. *Konstitutsionnaya sistema vlasti v sovremennoi Rossii* [Constitutional System of Power in Modern Russia]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*, 1998, № 3.
10. Knyazev S.D. *Konstitutsionnyi Sud v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Court in the System of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, No. 12, p. 5-13.
11. Kravets I.A. *Formirovanie rossiiskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki). Dokt. dis. (Yuridicheskie nauki)* [Formation of Russian Constitutionalism (Problems of Theory and Practice)]. Moscow, 2002. 584 p.
12. Kruss V.I. *Konstitutsionnaya sudebnaya diskretsia v mekhanizme konstitutsionalizatsii pravovoi sistemy Rossii* [Constitutional Judicial Discretion in the mechanism of Constitutionalization of the Russian Legal System]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2012, No. 9, p. 39-43.

13. Kruss V.I. Metodologiya konstitutsionalizatsii rossiiskoi pravovoi sistemy. Dvadt-satiletnii period razvitiya konstitutsionalizma v Rossii [Methodology of Constitutionalization of the Russian Legal System. The 20-year Period of the Development of Constitutionalism in Russia]. Rostov-on-Don. Esma-Print Publ., 2013. p. 95-110.
14. Kruss V.I. Ponyatie, aktual'nost' i formy konstitutsionalizatsii prava [Notion, Urgent Character, and Forms of Constitutionalization of Law]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Pravo*, 2012, No. 19, p. 104-119.
15. Kruss V.I. Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya [Theory of Constitutional Legitimacy]. Moscow. Norma Publ., 2007. 751 p.
16. Magomedov Sh.B., Pirbudagova D.Sh., Musalanova Z.M. K voprosu o konstitutsionalizatsii zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [To the Question of Constitutionalization of the Legislation of the Russian Federation]. *Sovremennyyi rossiiskii konstitutsionalizm: doktrina i praktika*. Rostov-on-Don; St. Petersburg. Progress Publ., 2011. p. 81-83.
17. Milushin M.I. Problemy formirovaniya kompleksnykh obrazovaniy v zakonodatel'stve Rossii [Problems of Formation of Complex Establishments in the Russian Legislation]. Moscow, YuNIKO-INFORM Publ., 2003. 96 p.
18. Mishin A.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran [Constitutional (State) Law of Foreign Countries]. Moscow. Statut Publ., 2013. 520 p.
19. Federal Constitutional Law as of 5.02.2014 No. 2-FKZ. On the Supreme Court of the Russian Federation and Prosecutor Office of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2014, No. 6, Art. 548. (In Russ.)
20. Peters A. Pravovye sistemy i protsess konstitutsionalizatsii: novoe opredelenie sootnosheniya [Legal Systems and Process of Constitutionalization: New Definition of the Correspondence]. *Daidzhest publichnogo prava Instituta Maksa Planka*. URL: <http://dpp.mpil.de>.
21. Podorozhnaya T. Osnovnaya tsel' Konstitutsii — konstitutsionalizatsiya pravovoi sistemy [Fundamental Aim of the Constitution is the Constitutionalization of Legal System in Russia]. *Zakon i zhizn'*, 2013, No. 8/4(260), p. 188-193.
22. Pravovaya sistema Rossii v usloviyakh globalizatsii i regional'noi integratsii: teoriya i praktika [Russian Legal System in Conditions of Globalization and Regional Integration: Theory and Practice]. Moscow. Formula prava Publ., 2006. 558 p.
23. Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. Pravosudie v sovremennom mire [Justice in Modern World]. Moscow. Norma Publ.; Infra-M Publ., 2012. 704 p.
24. Rakhmanina T.N., Yurtaeva E.A. Tendentsii razvitiya struktury zakonodatel'stva [Tendencies of Development of Legislation Structure]. *Kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva*. Moscow. Eksmo Publ., 2010. p. 55-72.
25. Gogolevskii A.V., Kovalev B.N. Russkii konstitutsionalizm v period dumskoi monarkhii [Russian Constitutionalism in the Period of Duma Monarchy]. Moscow. Gardariki Publ., 2003. 492 p.
26. Stanskikh S.N., Khachatryan M.Sh. Sudebnyi («zhivoi») konstitutsionalizm: doktrina i praktika [Judicial ('Live') Constitutionalism: Doctrine and Practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2011, No. 3, p. 1-29.
27. Morozova L.A. Konflikt zakona i pravovaya reforma [Conflict of Law and Legal Reform]. *Gosudarstvo i pravo*, 1997, No. 12, p. 5-26.
28. Khabermas Yu. Krizis Evropeiskogo Soyuza v svete konstitutsionalizatsii mezhdunarodnogo prava (esse k voprosu o konstitutsii Evropy) [Crisis of the European Union in the Light of Constitutionalization of International Law (Essay to the Question of European Constitution)]. URL: <http://www.dpp.mpil.de>.
29. Khabrieva T.Ya. Kazarina A.Kh., Kashpov V.P. Konstitutsiya i zakonnost'. Zakonnost' v Rossiiskoi Federatsii [Constitution and Legitimacy. Legitimacy in Russian Federation]. Moscow, 2008. p. 59-73.
30. Khabrieva T.Ya. Konstitutsiya kak osnova zakonnosti v Rossiiskoi Federatsii [Constitution as a Basis of Legitimacy in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2009, No. 3, p. 3-11.
31. Khabrieva T.Ya. Pravovaya okhrana Konstitutsii [Legal Defense of Constitution]. Kazan. Kazan Universitety Publ., 1995. 220 p.
32. Khabrieva T.Ya. Stabil'nost' zakona, modernizatsiya zakonodatel'stva i zadachi yuridicheskoi nauki [Stability of Law, Modernization of Legislation and Tasks of Legal Science]. *Zakon: stabil'nost' i dinamika*. Moscow. Kontrakt Publ., 2007. p. 11-25.
33. Khabrieva T.Ya. Etapy i osnovnye napravleniya konstitutsionalizatsii sovremen-nogo rossiiskogo zakonodatel'stva [Stages and Fundamental Areas of Constitutionalization of Modern Russian Legislation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, No. 6, p. 25-30.
34. Ebzeev B.S. Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii — 20 let: gosudarstvo, demokratiya, lichnost' skvoz' prizmu prakticheskogo konstitutsionalizma [20 Years of the Constitution of the Russian Federation: State, Democracy, and Personality through the Prism of Practical Constitutionalism]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2013, No. 6 (36), p. 31-42.
35. Ebzeev B.S. Suverenitet rossiiskogo gosudarstva — osnova tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii [Sovereignty of the Russian State is the Basis of Civilized Identity of Russia]. *Novaya Rossiya: kachestvo vlasti — parlamentarizm — kachestvo zhizni*. Moscow. President Center of B. N. Eltsin.
36. Herbert Lionel Adolphus Hart. The Concept of Law, 1984. p. 113.

37. Kelsen Begriff der Rechtsordnung, 1958.
38. Koskeniemi Between Coordination and Constitution. Law as German Discipline. *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. URL: <http://www.akademia.edu>
39. Thiele U. Von der Volkssouveränität zum Völker(staats)recht. Kant — Hegel — Kelsen. O. Eberl (Hrsg.), *Transnationalisierung der Volkssouveränität. Radikale Demokratie diesseits und jenseits des Staates*, 2011.

КРУСС Владимир Иванович, докт. юр. наук, профессор, заведующий кафедрой теории права, Тверской государственный университет. 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33. E-mail: t-prava@yandex.ru

KRUSS Vladimir Ivanovich, PhD Law, Professor, Head of the Department of the Theory of Law, Tver State University. 33, Zhelyabova Str., Tver, 17100, Russia. E-mail: t-prava@yandex.ru

КУЗЬМИН Андрей Георгиевич, канд. юр. наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. В. И. Ленина, 76. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

KUZMIN Andrey Georgievich, Cand. Sc. Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University). 76, Lenin Av., Chelyabinsk, 454080, Russia. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru

For citation: **V. I. Kruss, A. G. Kuzmin**. Notion, fundamental prerequisites, and factors of constitutionalization of the Russian judicial system
Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 3 (46). 2014. pp. 27–38.

